

“Крейцеру” – “Крейцерово”!

Культура. – 2004. 5-й февраль. 1 Максим Венгеров доехал до Москвы

М. Венгеров

Каждый большой артист, как обычный человек, носит в сердце историю из детства – легенду, которая порой ярче характеризует героя, чем общественное мнение и даже его собственные достижения. У Максима Венгерова, о котором знают, что он в свои неполные 30 – один из самых удачливых и высокооплачиваемых музыкантов в мире, что играет на скрипке “Крейцер” Страдивари смычком Хейфеца, что получает номинации Grammy одну за другой, что любит дорогие гоночные машины и скоростную игру а-ля Шумахер, – у этого баловня судьбы тоже есть своя легенда, кочующая из публикации в публикацию. О трехколесном велосипеде, на котором четырехлетний Максим катался по ночному дворику в Новосибирске в награду за несколько упорных часов игры на скрипке.

Легенда эта – о том, что судьба

Максима была predetermined еще до его попадания в руки педагогов. И Ирина Турчанинова, которой Венгеров посвятил финальный бис в Москве, и знаменитый кузнец звезд Захар Брон, и Мстислав Ростропович – “музыкальный отец”, передавший молодому коллеге “эстафету” российской музыкальной культуры и традиции” и вручивший Малую премию “Слава”, – были после. А до того маленький человечек сам вдруг занял взрослую и принципиальную позицию (“Максим” – “принцип”) – работать всерьез, до результата и награждать себя, не дожидаясь милостей, самостоятельно. Потом он скажет, что за год понял все главное о скрипичном искусстве, а затем, взрослея и набираясь опыта, лишь придумывал себе новые сверхзадачи. Прошло 25 лет, а сверхзадач у Венгерова не убавилось. 30 мая в Неаполе с Шарлем

Дютуа он будет играть концерт Уолтона на альте, отбивая хлеб у Башмета. Как дирижер дебютировал в лондонском Barbican Center. Собрал ансамбль “Виртуозы” из выходцев из России и проехал с ним по странам Азии. Сочинение музыки, преподавание, танцы, бодибилдинг – все, что угодно... Нам не угнаться за ним, ибо живую скрипку взрослого Венгерова только теперь услышали впервые.

Первоначально для большого дебюта в Москве Максим и его партнер, турецкий пианист Фазиль Сай, избрали программу своего первого концерта (в Вадуце, Лихтенштейн, 28 октября) – Три сонаты и Скерцо Брамса. Однако все же Брамса разбавили си-минорной сонатой Баха и “Крейцеровой” Бетховена. На исполнение последней Максиму можно получить копирайт: представленная трактовка вполне дает право

его “Крейцеру” дать пожизненное право оживать “Крейцерову” сонату, тем более что сам Родольф Крейцер (который наверняка бы высоко оценил услышанное) не стал проводником опуса в жизнь.

С первого бесплотного “fis”, постепенно, прямо на глазах наливающегося живительной энергией, подобно тому, как распускается бутон, стало понятно, что редкой, но неброской красоты соната Баха облюбована музыкантами как самое изысканное растение. И вопреки мнению Швейцера, что дифференцированная динамика погубит сонату, дуэт не только пользуется forte и piano в фразировке и разделах формы, но и отдельно взятыми звуками играет, как бриллианты гранями, не нуждаясь в вибрато и избегая пестроты и суетливости, пестуя столь хрупкий и нежный цветок. В Сонате № 2 Брамса дуэт предстал во всей широте ду-

ши, и смею утверждать, что более искреннее, трепетное, теплое и чуткое отношение к каждой музыкальной фразе, особенно поразительное у Фазили Сая, трудно себе представить. Сохранять идеальный баланс при открытой крышке рояля, отвечать каждому вздоху скрипки и сглаживать острые углы пианисту удалось блестяще. Мягкость и созерцательность фортепиано в финале сонаты показались даже избыточными – вместо того чтобы пуститься в плавание и отдаться воле волн, мечтатель Сай предпочел любоваться морем с берега.

Следующим этапом знакомства с дуэтом стал Бетховен и его кипящие страсти. Максим рвал и метал, щедро усеял сцену БЗК смычковым волосом, утрировал, слепил яркими красками, резал сверхострым штрихом, затем пел, затаив дыхание, купал в россыпи дорогого бисера свер-

кающих пассажей и снова уходил в отрыв. Фазиль, умея блюсти свою индивидуальность, явил единомыслие. Бисы лишь усилили впечатление, что возможности дуэта воплощать полярные образы неожиданно, но убедительно неисчерпаемы. Разудалый “Венгерский танец” Брамса (определенно, в Венгерове есть что-то венгерское!), не поддающийся описанию спортивный “Хоровод эльфов” Баццини со всевозможными скрипичными пируэтами-рикошетами на умопомрачительной скорости (эльфы носились, как маленькие шумажеры) и щемящее до слез “Размышление” Массне.

Татьяна ДАВЫДОВА
Фото ИТАР-ТАСС

(Интервью с М. Венгеровым и Ф. Саем читайте на 13-й стр.)